

DOI 10.18522/2415-8852-2023-1-161-176

УДК 82-16 +
908:83.3(2=411.2)6

ОБРАЗ РОСТОВА-НА-ДОНУ В ПОЭМЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ДОРОЖЕНЬКА»

Елена Вадимовна Белополюская

кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия)

e-mail: evbelopolskaya@sfedu.ru

ORCID: 0000-0002-1785-7452

Аннотация. В статье впервые рассматривается образ Ростова-на-Дону, запечатленный в третьей и четвертой главах автобиографической поэмы А.И. Солженицына «Дороженька». Город дан в восприятии лирического героя Сергея Нержина, который вспоминает свои детские и отроческие годы. При описании Ростова конца 1920-х – начала 1930-х гг. в произведении бережно восстанавливается утраченный исторический облик города, рассказывается о разрушенных при Советской власти церквях и храмах, насильственной смене названий улиц и т. д. Особое внимание уделяется воспоминаниям о доме и близких людях, с которыми прошло детство. Перед читателем возникает яркий, осязаемый образ города с неповторимыми звуками, запахами, красками, социокультурной атмосферой тех лет. Изображая Ростов-на-Дону периода НЭПа, Солженицын обращает внимание на ключевую черту того времени: с одной стороны, возникает иллюзия возвращения дореволюционной жизни, с другой – усиливается давление тоталитарного государства. Это находит художественное воплощение в образе города с вертикально ориентированной структурой. На возвышении располагается залитый светом, теплый, веселый, динамичный Ростов, внизу, в «провале», в «сырой тени» ГПУ – холодный, застывший, унылый / мрачный, враждебный к человеку город. Мир ГУЛАГа незаметно для горожан прорастает в привычное, внешне спокойное пространство. В отличие от большинства Сергей Нержин пытается осмыслить свой личный опыт в общеисторическом контексте, разобраться в себе и окружающем мире. Воспоминания автобиографического героя о детстве и отрочестве, проведенных в Ростове-на-Дону, становятся важным шагом на пути к его духовному восхождению.

Ключевые слова: Солженицын, образ города, Ростов-на-Дону, поэма «Дороженька», НЭП, автобиографический герой

Как известно, жизнь и творчество А.И. Солженицына тесно связаны с Ростовом-на-Дону: здесь он прожил немало лет (1925–1941), окончил школу, университет и осознал свое литературное призвание. В годы Великой Отечественной войны Солженицын с волнением следил за событиями в Ростове, его «жгла судьба родного города-страдальца» [Сараскина: 207].

«Мой родной город Ростов захвачен немцами; дом, в котором я жил, сгорел; университет, в котором я провёл лучшие годы, разрушен; мать моя осталась в руках у немцев; жена неизвестно где... Отпустите меня на фронт, где будут по-настоящему полезны мои знания и моя ненависть»,

– писал в прошении начальнику училища курсант Солженицын в 1942 г. [Там же: 202]. После окончания войны писатель не раз приезжал в город школьного детства и юности, с Ростова в сентябре 1994 г. началось путешествие Солженицына по югу России после возвращения из вынужденной эмиграции.

Образ Ростова-на-Дону не раз появлялся на страницах произведений Солженицына. Одно из таких творений – автобиографическая поэма, или, как назвал ее автор, «повесть в стихах» «Дороженька». Над ее текстом Солженицын

усиленно работал в 1947–1953-е гг., «складывал в уме и нёс в памяти все лагерные годы, не доверяя бумаге»¹ [Солженицын 2016: 5]. Он признавался:

«Очень она вознаграждала меня, помогая не замечать, что делали с моим телом. Иногда в понуренной колонне, под крики автоматчиков, я испытывал такой напор строк и образов, будто несло меня над колонной по воздуху <...>. В такие минуты я был и свободен и счастлив» [Солженицын 2010: 92].

Окончательный полный текст «Дороженьки» был опубликован только в 2018 г. в 30-томном собрании сочинений писателя и сопровождается комментариями В.В. Радзишевского [Солженицын 2016]. Несмотря на то, что «Солженицын не был поэтом, обреченным на стихи» [Немзер] и поэма, знаменующая начало творческого пути писателя, художественно несовершенна, она вовлечена в исследовательскую орбиту [Бай; Глухова; Васюточкин; Береснева; и др.]. По мнению М. Николсона, «Дороженька» «представляет собой немаловажный этап в переходе Солженицына к зрелой прозе» [Николсон: 256].

В нашей работе предпринимается попытка исследовать специфику художественной реализации образа Ростова-на-Дону в поэме «Дороженька».

¹ При цитировании произведений А.И. Солженицына сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации.

Образ Ростова-на-Дону присутствует в третьей («Серебряные орехи») и четвертой («Ту, кого всего сильнее...») главах «Дороженьки», в основу повествования которых легли воспоминания из детства и отрочества писателя: жизнь с матерью Т.З. Солженицыной на съемной квартире, дружба с семьей Андреевых-Федоровских, арест деда.

Дольше всего в Ростове Солженицыны прожили, по словам писателя, в «двухконурном полудомике, в провале и тупике Никольского переулка» [Солженицын 2018: 22] (рис. 1–2).

Рис. 1. 25 марта 1925 года. Сانه 6 лет

Рис. 2. Двор дома (Ростов-на-Дону, Никольский переулок, 52), где Солженицын жил с матерью с 1924 по 1934 г. Ступеньки ведут в их десятиметровую комнату

Туда накануне Рождества в 1930 г. приезжал навестить дочь и внука З.Ф. Щербак (рис. 3).

Рис. 3. Сидят: Захар Федорович Щербак, дед писателя; его дочь Таисия Захаровна и жена Евдокия Григорьевна (бабушка писателя). Стоят (слева направо): Роман Захарович Щербак; его жена Ирина Ивановна; Мария Захаровна; ее муж Карпушин

Личность деда всегда восхищала писателя. По убеждению Солженицына, именно от деда по материнской линии он унаследовал «всю его энергию, волю к движениям, преобразованиям, твёрдую руку, власть решений» [Там же: 19]. Благодаря трудолюбию и уму Щербак смог пройти путь от батрака до зажиточного хозяина имения, но в старости после войны, революции и раскулачивания был оскорблен и унижен. «У Захара Федоровича отняли не только кровно нажитое и с любовным тщанием устроенное состояние, но и осмысленное дело всей жизни» [Сараскина: 36]. Как предполагал впоследствии Солженицын, чекистами «внезапная поездка дедушки была истолкована как попытка увезти, перепрятать золото» [Солженицын 2019: 18], что и предопределило его немедленный арест.

В «Дороженьку» вошла и история семьи профессора института путей сообщения, крупного специалиста по теплотехнике В.И. Федоровского. В доме на проспекте Среднем Саня часто бывал с матерью: «Семья Федоровских в дошкольные два года была мой единственный выход в большой мир, и первый в моей жизни мирок вне моей семьи, там же и мой первый друг-сверстник, Миша. А для мамы они были – роднее родных, весь духовный мир и вся дружеская поддержка» [Солженицын 2018: 23] (рис. 4).

Рис. 4. Семья Федоровских с гостями. Слева направо: Владимир Иванович, Евгения Николаевна, Миша, Герман Германович Коске, Таисия Захаровна Солженицына, Ляля Федоровская, Александра Федоровна Андреева. Ростов-на-Дону. Конец 1920-х гг. Архив А.И. Солженицына в Троице-Лыкове // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6

Мать писателя с отличием окончила одну из лучших частных гимназий Ростова-на-Дону, директором которой была теща Федоровского А.Ф. Андреева. Во время учебы Таисия жила в семье начальницы, подружилась с ее дочерью, «оттуда особенность почти дочерних отношений» [Там же]. Вспоминая свои детские годы в Ростове, писатель замечал: «Ведь это ещё было блаженное время (для тех, по кому до тех пор не прошло Колесо...), конец НЭПа – слабое подобие дореволюционной изобильной России» [Там же: 25].

Образ родного города строится Солженицыным на противопоставлении Москве и Санкт-Петербургу как центрам государ-

ственной жизни страны. Очарование провинциального Ростова связывается со стремлением его жителей к мирной, созидательной жизни, с отказом от излишней политизации: «Мой милый город! Ты не знаменит / Ни мятежом декабрьским, ни казнью стрелецкой. / Твой камень царских усыпальниц не хранит / И не хранит он урн вождей советских. <...> Пока в Москве на дыбе рвали сухожилия, / Сгоняли в Петербург Империи служить, – / Здесь люди русские всего лишь только – жили, / Сюда бежали русские всего лишь только – жить» [Солженицын 2016: 40].

В революционные годы Ростов втягивается в политический водоворот, жизнь горожан меняется. Правда, перемены растянуты во времени и кажутся почти незаметными: «...и мнилось, / Что только Думы вывеску сменили на Советы, / А больше ничего не изменилось» [Там же: 41].

Образ Ростова-на-Дону с сильными традициями дореволюционного прошлого создает радостное настроение. Читателю открывается красочная панорама южного города, который «стоял тогда, как и сейчас стоит. / На гребне долгого холма над Доном» [Там же: 40]. Гостеприимный Ростов у Солженицына всегда прекрасен: «И всех, кто с юга подъезжал к нему, / На двадцать верст встречал он с крутогорья /

В полнеба белым пламенем в ночную тьму, / В закат – слепящих стёкол морем» [Там же].

Город буквально залит светом, и это знак особого авторского расположения. «Слепящих стёкол море» подобно, на наш взгляд, отражению в воде, самоудвоению, которое выступает «как признак зрелой красоты», как элемент идеального пейзажа [Эпштейн: 133]. Однако в солженицынском образе Ростова нет успокоенности – он стремителен и легок. «Дышали солнцем в парках кружева акаций, / Кусты сирени в скверах – свежестью дождей» [Солженицын 2016: 41]. Южный темперамент оттеняется «нестерпимым» летним зноем, крутыми подъемами и «стрелой» Садовой улицы. Полный энергии купеческий город органично встроен в систему страны и мира: «Как сазаны на стороне зарецкой / Ростов забился, заблестал, едва лишь венул НЭП»; «В порту то греческий, то итальянский флаг, – / Порт ликовал, как в полдень муравейник, / Плескались волны в Греки из Варяг» [Там же]. Упоминаются яркие витрины модных магазинов, прилавки ярмарок, ломящиеся от изобилия товаров, плывущий над городом гул колоколов, чад лимузинов, звон «старомодных бельгийских трамваев»¹. Для создания объемной живой картины автор стремится воздействовать на все органы чувств своего читателя.

---

¹ В Ростове-на-Дону трамвайные линии были запущены Бельгийским акционерным обществом.

Важной особенностью описания старого Ростова в поэме является уточнение дальнейшей судьбы некоторых известных зданий. Например: «Тогда ещё церковей не раздробляли в щебень, / И новый Герострат не строил театр-трактор, / И к пятерым проспектам, пересекшим гребень, / Названья новые не притирались как-то» [Там же]. Важное место среди достопримечательностей Ростова занимают два собора, из которых сохранился один: «Бурел один собор над серой тушей банка, / Белел другой собор над гомоном базара» [Там же]. Речь идет об Александро-Невском соборе, который находился недалеко от здания конторы Государственного банка и был взорван большевиками в 1930 г., и о соборе Рождества Пресвятой Богородицы, расположенном рядом с Центральным городским рынком (рис. 5).

Рис. 5. Александро-Невский собор

Аналогичным образом представлено и одно из зданий alma mater писателя в начале Большой Садовой: «Ещё не став / “Индустриальных педагогов институтом”, / Уже не “Императорский”, Универс’тет стоял» [Там же] (рис. 6).

Рис. 6. Почтовая карточка «Ростов-на-Дону. Северо-Кавказский государственный университет. 1925–1930»

Так в произведении фиксируется внимание на насильственном характере действий новой власти (разрушение храмов, смена привычных названий улиц и парков, грубое вторжение в частную жизнь горожан) и бережно реконструируется утраченный исторический облик Ростова.

Светлые воспоминания о шумном радостном Ростове у Солженицына неотделимы от «страшных легенд» о подвальных

«застенках ГПУ». В повествовании солнечные улицы и зеленые бульвары уступают место темным переулкам с уродливыми домами и «люками стоков». «В четыре этажа четыре зданья» [Там же] полномочного представительства ОГПУ, где не прекращаются «тихий говор, жалобы и плач» [Там же: 43] жен и детей арестантов, символизируют суровую реальность времени набравших силу репрессий. Тусклый свет окон, черные ворота, «облупленные» стены домов, «плитняк потресканный», «люков чёрная дыра», «мутные потоки» [Там же: 42] дождевых вод усиливают впечатление безысходности. Дом, в котором жил автобиографический герой Сергей Нержин, находился рядом с мрачным зданием ГПУ, и его «сырая тень» закрывала солнце. «Громада кирпича, полнеба застенив, / Мальчишкам тупика загородила свет» [Там же: 43].

Хотя с раннего детства Нержин «в играх и в радостях детского мира» слышал «шорох зловещих крыл» ЧК [Там же: 38], драматизм происходящего им осознается не сразу: с одной стороны, он видел незаконные аресты родственников и друзей, с другой – оставался верен делу революции. Состояние внутренней неопределенности нашло поэтическое выражение: «Жарко-костровый, бледно-лампадный, / Рос я запутанный, трудный, двуправдный» [Там же: 39].

Солженицыну очень важно запечатлеть знаки «потустороннего мира», поименно назвать жертв бесчеловечной системы: талантливый инженер Федоровский, арестованный по политической статье; выбросившийся из окна во время следствия «безвестный человек» [Там же: 42]; любимый дед, который «в дверь ГПУ вошёл – и навсегда исчез» [Там же: 50]...

Одним из самых сильных детских впечатлений для Нержина стал арест деда в Рождество. Единичные детали интерьера «малютки-комнатки» в Никольском переулке, откуда сотрудники ГПУ уведут старика, создают чудесную атмосферу религиозного праздника: «Со взваром чаша. Блюдечки кутьи» [Там же: 43], зажженная перед иконой лампада, раскрытая Библия, со свечами на ветвях «в серебряных орехах крохотная ёлка» [Там же]. Образы чекистов в «остроголовых» буденовках, с черными, закаленными от «ветрожога» лицами, «чугунными подбородками», «жестокими глазами» приобретают открытую inferнальную направленность. Под свист зимнего ветра они с грохотом – «Долбили в дверь ногою, как тараном» [Там же: 44] – вламываются в «дощатый низенький домок». Чекисты требуют отдать золото и драгоценности, которых к тому времени в семье Нержиных уже не было, в голодные годы те были обменяны «на масло, на муку».

«Остроголовым» противопоставлен величественный образ деда. Вернувшийся после рождественской заутрени Щербак «тих и светел». Старик не выдает своего волнения, держится свободно и с достоинством: «Спокойно стал под образ, / Прочёл молитву вслух, перекрестился истово, / Как будто и не видел он гостей недобрых / Иль не признал чекистов в них» [Там же: 47]. Трагическая судьба деда, безвинно погибшего в застенках ГПУ, сопрягается в поэме с библейской повестью о многострадальном Иове. Ее страницы дед перечитывал накануне своего ареста.

Очевидно, что воспоминания о городе связаны с людьми, живущими в нем. Вторым домом для Нержина, где прошло его «полдетства», была квартира Федоровских. Архитектурный пейзаж рядом с их домом и сегодня хорошо узнаваем: «От взгорбка Среднего проспекта, / Где взбросил в небо архитектор / Теперь уж снесенный собор, / Где в сквере, убранные в ленты, / Детей возили чинно пони, / Где спали львы на постаментах, / А на колончатом балконе / Встречали девушек студенты, / Где Банк приземистый с фронтоном / Улёгся чудическим ампира» [Там же: 52].

Архитектурно-скульптурный комплекс «Львы» был связующей частью между уже упоминавшимися выше конторой Государственного банка и Александро-Невским собором (рис. 7).

Рис. 7. Здание ростовской конторы Государственного банка

Вспоминая гостеприимный дом с веселыми ужинами, исполнением под фортепиано модных песен, танцами, литературными спорами, разгадыванием кроссвордов, созданием домашнего журнала и шумными детскими играми, лирический герой горько замечает: «Уж больше нет таких домов» [Там же: 51]. Описывая подробности семейного уклада, внутренней обстановки комнат Федоровских, Солженицын восстанавливает в правах исчезнувший мир интеллигенции с традициями дореволюционной культуры, мир, который он успел хорошо узнать в Ростове-на-Дону.

Интерьер той или иной комнаты Федоровских раскрывает круг интересов своего обитателя. Так, кабинет инженера Федоровского наполнен атрибутами интеллектуаль-

ного быта. «Теснились мудрых книг полки / И стопы глянцевого журналов», «хранились кипы чертежей» [Там же: 53], возвышались «дубовый стол на зверьих лапах, / С крылом чертёжная доска» [Там же: 54]. Для детей эта часть квартиры – сакральное маскулинное пространство, где «Особый свет, особый запах / Журналов, туши, табака» [Там же]. Это соответствует дореволюционной модели восприятия мужского кабинета как места, куда маленьким без разрешения вход строго заказан. В поэме передано ощущение тайны проникновения мальчиками в запретную зону: «Владели мы землёй ничейной, / Резвясь по всем её углам. / Но, затаясь благоговейно, / В отцовский строгий кабинет / Вступали, дерзостные» [Там же: 53]. Сам Федоровский с типично интеллигентской внешностью – сутуловатый, в пенсне, с «истёртым, пухлым до нельзя» портфелем [Там же: 54] – выступает как образец увлеченности любимым делом и полной самоотдачи ученого-специалиста. «То консультируя, то споря, / Шутя, сердясь, доступен всем, / Он принимал» [Там же: 57].

Отражением внутреннего мира дочери Олега Ивановича Ляли становится уголок гостиной, где расставлены ее вещи. На изящном столике лежали школьные тетради и милые безделицы («камешек с приморья», «снопик ландышей в фарфоре» [Там же], слоники), на стене висели нежные акварельные рисунки. Эти детали выдают в ней де-

вушку, воспитанную в старых традициях. Но общая атмосфера тех лет, учеба в советском вузе, любовь к подпольщику-ленинцу приводят к тому, что прежние ценности вытесняются новыми. Ляле вроде бы удается соединить в себе два «мира чуждых» [Там же: 58], но их разнонаправленность становится очевидной благодаря предметным деталям. «Фрагмент роденовской “Весны” на ее столе лежит в соседстве с “Народной волей” и “О Фейербахе” Карла Маркса» [Береснева: 82].

Наличие двух миров, двух культур – ключевая черта периода НЭПа: «В неповторимые те годы / Два стиля, две несхожих моды, / Два мира разных, два дыханья / Столкнулись в жизни обновлённой, / Их переплеск и колыханье / Рождали ропот напряжённый» [Солженицын 2016: 56]. Одежда была одним из важнейших критериев разграничения «своих» и «чужих», по ней определяли социальную принадлежность ее обладателя. Судя по тому, что среди гостей дома много инженеров в служебной форме – в фуражке с профессиональным значком – «ключ и молоточек» и тужурке «с синью оторочек» [Там же: 57], – громкие политические судебные процессы, направленные против технической интеллигенции, еще впереди. Как писала Н.Б. Лебина, ссылаясь на воспоминания Д. Гранина в «Ленинградском каталоге» о конце 1920-х – начале 1930-х гг., фуражки инженеров встречались в уличной

толпе лишь до определенного времени и потом совсем исчезли. По мнению исследовательницы, «причиной исчезновения этого форменного знака стало не столько отрицательное отношение к мундирной атрибутике вообще, сколько активное выявление в нем “несоветского содержания”» [Лебина].

Внешний облик гостей в доме Федоровских точно передает тенденции моды тех лет. Красное студенчество носило косоворотки «с ЛКСМовским значком» [Солженицын 2016: 56], донашивало френчи цвета хаки. Костюмы в «яркую клетку», мягкие кепки с «утиным козырем», сандалии и, конечно, заграничные «остро-круглые длинные джимми» [Там же] (мода на форму носка ботинок была особенно изменчивой) считались «буржуазными» вещами. Обсуждение девушками фасонов юбок по последней парижской моде – «Чтоб чуть на кнопочках держались, / И чтоб колена обнажались! – / И ложных пуговиц рядки / Сверх скрытых кнопок нашивали / (Их юбки лет тех остряки / “Мужчинам некогда” прозвали)» [Там же: 57] – укрепляет в мысли, что Ростов-на-Дону как торговый город имел быстрый доступ к модным новинкам и эту возможность ростовчане старались не упускать. На наш взгляд, следование европейской моде здесь является формой проявления собственной индивидуальности, противостоянием нивелированию личности вопреки идеологическому давлению со стороны властей.

Между тем законы «приветного щедрого дома» Федоровских подчеркнута демократичны, здесь «рады близким, рады дальним» и радушно встречают каждого: «Всё было просто. Все – просты» [Там же: 51]. Свойственные хозяевам интеллигентность, доброжелательность способствовали диалогу, терпимости к чужому мнению.

В самой семье Федоровских бок о бок живут представители разных эпох: послереволюционной – глава семьи Олег Иванович Федоровский, внук дьяка из бурсы, а ныне «конструктор. Инженер. Профессор» [Там же: 55] и дореволюционной – его теща, знатная дама, «седая вся, с осанкой львиной» [Там же: 54], чей предок был записан в Бархатную книгу.

На общем фоне гостей выделяется фигура «старинного любимца дома, / Механика и астронома / Горяинова-Шаховского» [Там же: 62]. Он аттестуется как «учёный с титулом мирового, / Владелец шапочек и мантий, / Известный автор многих книг» [Там же]. Под этим именем выведен Д.Д. Мордухай-Болтовской, основатель ростовской математической школы, доктор физико-математических наук, автор многочисленных научных работ, а также переводчик и комментатор «Математических работ» Ньютона и трехтомных «Начал Эвклида». У него довелось учиться студенту физмата Ростовского государственного университета А.И. Солженицыну (рис. 8).

Рис. 8. Дмитрий Дмитриевич Мордухай-Болтовской

Часто бывал в доме Федоровских «беспомощный, несовременный / Чудак – учитель рисованья» [Там же: 63]. На протяжении всей жизни он, неисправимый идеалист, писал одну картину, безуспешно подбирая «достойных красок сочетанья» [Там же]. В поэме он исполняет популярный в то время романс Б. Прозоровского «Вам девятнадцать лет...». Горькая судьба композитора, арестованного за «мещанскую» музыку и дворянское происхождение и впоследствии расстрелянного, по грустной иронии,

совпадет в своем трагическом завершении с судьбой прототипа персонажа поэмы, живописца Г.Г. Коске. По словам Солженицына, Коске был влюблен в его мать, но та отказалась от брака и «беззаветно отдала свою молодость и всю свою жизнь» сыну. В начале Великой Отечественной войны художника репрессируют: «За своё немецкое происхождение он забран в 1941 и погиб» [Солженицын 2018: 26].

В «Дороженьке» дорогой сердцу лирического героя мир безвозвратно уходит. Словами из того же романа подводится черта светлым воспоминаниям о Ростове: «И всё, / И это тоже всё / Оборвалось...» [Солженицын 2016: 64]. Семье Федоровских не удастся увернуться от наступающей Эпохи. Олег Иванович арестован, как можно догадаться по тексту поэмы, в связи со сфабрикованным делом «Промышленной партии». После разгромного обыска и ареста семейное счастье Федоровских рушится. Маленький сын умирает, тещу разбивает паралич. Ляля расстается со своим возлюбленным, красивым и успешным «в науке, в играх и в боях» Александром Джемелли [Солженицын 2016: 60]. Название главы («Ту, кого всего сильнее...») и эпиграф к ней отсылают к шлягеру конца 1920-х гг. «Магараджа» (муз. Б. Фомина, сл. Б. Тимофеева). Строки песни о жестоким радже сразу задают напряженный тон любовной линии Ляли и Джемелли.

История Джемелли, революционера-романтика, всецело преданного ленинским идеям, – плод воображения Солженицына. В комментариях к поэме В.В. Радзишевский приводит свидетельство Н.Д. Солженицыной, которая называет этот эпизод «Дороженьки» едва ли не единственным, где «А.И. отступил от реальных фактов» [Радзишевский: 422]. На самом деле, «королева детства» будущего писателя Ляля Федоровская выбрала себе в женихи комсорга факультета, некрасивого «немужественного» юношу, и Саня «страдал эстетически» [Там же]. В поэме «ошибка» Ляли исправлена, героиня влюблена в обрусевшего красавца-итальянца, прототипом которого стал всеобщий любимец по фамилии Марцелли, ученик старших классов школы, в которой учились Солженицын и дети Федоровских.

При этом факты открытого недовольства революционеров-ленинцев сталинской политикой, как известно, встречались. В стихотворении, завершающем четвертую главу «Дороженьки», упоминается яркое антисталинское выступление старика-рабочего в зале ростовских Ленмастерских. Стенографисткой, из рук которой от неожиданности выпал карандаш, была мать писателя Т.З. Солженицына [Там же: 425].

Таким образом, автор «Дороженьки» рисует полнокровный осязаемый образ Ростова-на-Дону конца 1920-х – начала 1930-х гг., с достоверностью воссоздавая

и городской ландшафт, и названия улиц, и колорит эпохи. Сделанные нами наблюдения позволяют утверждать, что в художественном сознании Солженицына образ Ростова-на-Дону неоднороден. Город Ростов до революционных преобразований – это самобытный, вольный, развивающийся по естественным законам целостный организм. Изображая Ростов времен НЭПа, Солженицын подчеркивает наличие двух противоположных тенденций: короткий возврат к некоторым нормам досоветской жизни и вместе с тем начало массовых репрессий. Примечательно, что образ Ростова имеет вертикально ориентированную структуру: солнечный, теплый, радостный старый Ростов находится на «холме», а дождливый / вьюжный, унылый / мрачный, холодный, враждебный к человеку – внизу, в «провале», в «сырой тени» ГПУ. Тюремный, «потусторонний мир», отождествляемый с тоталитарной властью, неумолимо прорастает в привычное, внешне спокойное пространство. Тем более, что горожане предпочитают жить по инерции и не замечать ужесточение режима. В отличие от большинства Сергей Нержин пытается осмыслить личный опыт в общеисторическом контексте, разобраться в себе и окружающем мире, воскресить в памяти родной город, а вместе с ним и близких для себя людей. Это становится важным шагом на пути к духовному восхождению автобиографического героя.

Литература

Бай, Я. Заголовочный комплекс поэмы А.И. Солженицына «Дороженька» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 4. Ч. 1. С. 12–16.

Береснева, Н.А. Поэма А.И. Солженицына «Дороженька»: композиция, жанровые традиции, полиметрия // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. М.: Русский путь, 2019. Вып. 7. С. 73–108.

Васюточкин, Г.С. «Дороженька» Александра Солженицына // Васюточкин, Г.С. На перевале тысячелетий: страницы публицистики. СПб.: Изд-во Александра Сазанова, 2011. С. 356–363.

Глухова, Н.И. Восприятие пространства несвободы в поэтических произведениях А.И. Солженицына // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2021. Т. 25. № 1. С. 135–142. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-125-142

Лебина, Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/10751901/28740158/&art=10751901&user=866368962&uilang=ru&catalit2&track_reading#back_604_375 (дата обращения: 16.01.2023).

Немзер, А.С. В начале: изданы ранние сочинения Александра Солженицына [Электронный ресурс]. URL: https://ruthenia.ru/nemzer/isaich_rannij.html

(дата обращения: 16.01.2023).

Николсон, М. «Да где же ты была, Дороженька?»: Жанровые поиски Солженицына в 40–50-е годы // Путь Солженицына в контексте Большого Времени: Сб. памяти: 1918–2008. М.: Русский путь, 2009. С. 256–264.

Радзишевский, В.В. Комментарии // Солженицын А.И. Собр. соч. В 30 тт. Т. 18. Раннее. М.: Время, 2016. С. 391–537.

Сараскина, Л.И. Солженицын. М.: Молодая гвардия, 2009.

Солженицын, А.И. Детство // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. М.: Русский путь, 2018. Вып. 6. С. 5–34.

Солженицын, А.И. Дороженька // Солженицын А.И. Собр. соч. В 30 тт. Т. 18. Раннее. М.: Время, 2016. С. 9–212.

Солженицын, А.И. Собр. соч. В 30 тт. Т. 6. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования. Ч. V–VII. М.: Время, 2010.

Солженицын, А.И. Школа // Солженицынские тетради: Материалы и исследования: [альманах]. М.: Русский путь, 2019. Вып. 7. С. 5–48.

Эпштейн, М.Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990.

References

Bay, Ya. (2017). Zagolovochnyy kompleks poemy A.I. Solzhenitsyna "Dorozhen'ka" title

complex of the poem “Dorozhenka” by A.I. Solzhenitsyn]. *Filologicheskiye Nauki. Voprosy Teorii i Praktiki* [Philology. Theory & Practice], 4(1), 12–16.

Beresneva, N.A. (2019). Poema A.I. Solzhenitsyna «Dorozhen'ka»: kompozitsiya, zhanrovyye traditsii, polimetriya [A.I. Solzhenitsyn's poem “Dorozhenka”: composition, genre traditions, polymetry]. *Solzhenitsynskiye Tetradi: Materialy i Issledovaniya* [Solzhenitsyn Notebooks: Materials and Research], 7, 73–108.

Epshteyn, M.N. (1990). “*Priroda, mir, taynik vselennoy...*”: sistema peyzazhnykh obrazov v russkoy poezii [“Nature, the world, the secret place of the universe...”: a system of landscape images in Russian poetry]. Moscow: Vysshaya shkola.

Glukhova, N.I. (2021). Vospriyatiye prostranstva nesvobody v poeticheskikh proizvedeniyakh A.I. Solzhenitsyna [Perception of the space of bondage in the poetic works by A.I. Solzhenitsyn]. *Izvestiya Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta. Filologicheskiye Nauki* [Proceedings of Southern Federal University. Philology], 25(1), 135–142. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-1-125-142

Lebina, N. (2018). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to grand style]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye. Retrieved from: <https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/>

[download_book/10751901/28740158/&art=10751901&user=866368962&uilang=ru&catalit2&track_reading#back_604_375](https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/10751901/28740158/&art=10751901&user=866368962&uilang=ru&catalit2&track_reading#back_604_375) (date of access: 16.01.2023).

Nemzer, A.S. (2023). *V nachale: izdany ranniye sochineniya Aleksandra Solzhenitsyna* [In the beginning: early works of Alexander Solzhenitsyn were published]. Retrieved from: https://ruthenia.ru/nemzer/isaich_rannij.html (date of access: 16.01.2023).

Nikolson, M. (2009). “Da gde zhe ty byla, Dorozhen'ka?»: Zhanrovyye poiski Solzhenitsyna v 40–50-e gody [“Where have you been, Dorozhenka?»: Genre searches of Solzhenitsyn in the 40s and 50s]. *Put` Solzhenitsyna v kontekste Bol'shogo Vremeni: 1918–2008* [Solzhenitsyn's way in the context of big time: 1918 – 2008]. Moscow: Russkiy put', 256–264.

Radzishevskiy, V.V. (2016). Kommentarii [Comments]. In A.I. Solzhenitsyn, *Sobr. soch. V 30 tt.* [Collected works in 30 vols.] (Vol. 18). Moscow: Vremya, 391–537.

Saraskina, L.I. (2009). *Solzhenitsyn*. Moscow: Molodaya gvardiya.

Solzhenitsyn, A.I. (2018). *Detstvo* [Childhood]. *Solzhenitsynskiye tetradi: Materialy i issledovaniya: al'manakh* [Solzhenitsyn notebooks: materials and research: almanac]. Moscow: Russkiy put', 6, 5–34.

Solzhenitsyn, A.I. (2016). *Dorozhen'ka* [Dorozhenka]. In A.I. Solzhenitsyn, *Sobr. soch. V 30 tt.* [Collected works in 30 vols.] (Vol. 18). Moscow: Vremya, 9–212.

Solzhenitsyn, A.I. (2019). Shkola [School]. *Solzhenitsynskiye tetradi: Materialy i issledovaniya* [Solzhenitsyn notebooks: Materials and research]. Moscow: Russkiy put', 7, 5–48.

Solzhenitsyn, A.I. (2010). *Arhipelag GULAG: Opyt khudozhestvennogo issledovaniya* [GULAG Archipelago: the experience of artistic research]. Moscow: Vremya.

Vasyutochkin, G.S. (2011). «Dorozhen'ka» Aleksandra Solzhenitsyna [“Dorozhenka” by Alexander Solzhenitsyn] In G.S. Vasyutochkin, *Na perevale tysyacheletiy: stranitsy publitsistiki* [At the millennia pass: pages of journalism]. Saint Petersburg: Aleksandr Sazanov Publ., 356–363.

Для цитирования: Белопольская, Е.В. Образ Ростова-на-Дону в поэме А.И. Солженицына «Дороженька» // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 1. С. 161–176. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-161-176

For citation: Belopolskaya, E.V. The image of Rostov-on-Don in A. Solzhenitsyn's poem “Dorozhenka”. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (1), 161–176. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-1-161-176

THE IMAGE OF ROSTOV-ON-DON IN A. SOLZHENITSYN'S POEM "DOROZHENKA"

Elena V. Belopolskaya, PhD in Philology, Associate Professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia); e-mail: evbelopolskaya@sfedu.ru

Abstract. The article for the first time examines the image of Rostov-on-Don, captured in the third and fourth chapters of A.I. Solzhenitsyn's autobiographical poem "Dorozhenka". The city is given in the perception of the lyrical hero Sergei Nerzhin, who recalls his childhood and adolescence. When describing Rostov in the late 1920s and early 1930s, the poem carefully restores the lost historical outlook of the city and tells readers about churches and temples destroyed under Soviets, the forced change of names of the streets, etc. Special attention is paid to memories of home and close people with whom the lyrical hero passed his childhood. A bright tangible image of the city with its unique sounds, smells, colors, and socio-cultural atmosphere of those years appear before the reader. Depicting Rostov-on-Don during the NEP period, Solzhenitsyn draws attention to the key feature of that time: on the one hand, there is an illusion of the return of prerevolutionary life, on the other – the pressure of the totalitarian state is increasing. This finds artistic embodiment in the image of a city with a vertically oriented structure. On the high there is a light-flooded, warm, cheerful, dynamic Rostov, below, in the "damp shadow" of the GPU – a city, which is cold, frozen, dull and gloomy, hostile to men. The world of the Gulag grows imperceptibly for the townspeople into a familiar, outwardly calm space. Unlike most, Sergey Nerzhin tries to comprehend his personal experience in a general historical context, to understand himself and the world around him. The autobiographical hero's memories of his childhood and adolescence spent in Rostov-on-Don become an important step on the way to his spiritual rise.

Key words: Solzhenitsyn, the image of the city, Rostov-on-Don, the poem "Dorozhenka", NEP, autobiographical hero

